

обязанность. Вот поэтому и счастливы люди в его присутствии. То есть пока он на сцене...

В феврале восемьдесят восьмого Башлачёва не стало. "Поэты живут и должны оставаться живыми", – пел он в ответ на слова Высоцкого. И дальше:

*Короткую жизнь, семь кругов
беспокойного лада
Поэты живут. И уходят от нас
на восьмой.*

Термин "публичное одиночество" вспомнился мне, когда показали по телевизору концерт памяти Башлачёва. Сколько людей, оказывается, любили поэта, хотели ему помочь, тепло к нему относились. Но это не мешало Башлачёву петь такие, например, вещи:

*Я с малых лет не умею стоять
в строю.*

*Меня слепит солнце,
когда я смотрю на флаг.*

Архив

*И мне надоело протягивать
вам свою
Открытую руку, чтоб снова
пожать кулак.*

Аудитория Башлачёва – не те люди, которые могут стать плечом к плечу, выйти на улицу, скандируя любимые строчки. Я никогда не слышал башлачёвские песни в исполнении застольно-

го хора, под водочку. Хотя и фольклорны они, но ни слова не выкинешь, не заменишь – уж больно всё личное. И даже на сохранившихся записях редких квартирных концертов публика всё чаще молчит, заглупотевшая поэтом.

Может, дело тут в том, что Башлачёв никогда не стремился говорить общедоступное, сторонился по возможности ёрничества и поверхностной социальности. Большинство его песен написано в жанре исповеди, бесконечно далёкой, кстати, от показной исповедальности, вошедшей тогда, на волне перестройки, в моду. И от эффектного разрывания рубашки на груди, которое казалось Башлачёву безвкусицей.

Исповедь как-то не располагает к публичности. Цель её – вычерпать до дна мутную воду своих сомнений. Своего одиночества и тёмной, запретной, порой языческой радости.

Незадолго до смерти Башлачёва поразила немота. Не физическая, а поэтическая. Он почти не писал и старался не выступать со старыми песнями. Целых два года (те самые, за которые сочинил почти все свои вещи) Башлачёв жил в таком напряжении, что истощение не могло не наступить. Он отдал слишком много и слишком быстро. Да и вообще чудо не может длиться всегда и тем более – стать профессией. Чудо длится мгновение – жизнь многим дольше. Как и память о чуде.

"Я знаю, – говорил Башлачёв, – душа начинает заново маяться на земле, как только о её предыдущей жизни все забыли. Души держит на небесах энергия памяти". Эта "энергия памяти" и есть, наверно, любовь. "Нет тех, кто не стоит любви", – поётся в одной из лучших его вещей. Действительно, таких людей нет.

Ян Шенкман